

М. Дыго
Варшавский университет

Политическая роль культа Девы Марии в орденской Пруссии в XIV–XV веках¹

Элементы культа Девы Марии были весьма важны в системе политических взглядов, излагаемых интеллектуальной элитой Немецкого ордена в Пруссии. Они выражали притязания и стремления ордена как территориального властителя. Рыцари Немецкого ордена представляли Марию в качестве действенного символа, дабы противостоять внешним и внутренним врагам. Феодализованный культ Св. Марии предназначался для укрепления политического положения и власти ордена в Пруссии; одновременно он содействовал лояльности своих подданных, давая образец верности. Однако орденская модель веры и благочестия перестала соответствовать изменениям христианства в XIV и XV вв. Снижение лояльности подданных ордена с середины XIV в., приведшее к неповиновению в середине XV в., по-видимому, явилось результатом изменений в религиозной жизни эпохи.

I

Орденский хронист Петр из Дусбурга в своем описании похода польского короля Владислава Локеттека (1320–1333) в Кульмскую землю утверждает, что Дева Мария явилась ночью предводителю венгерского подкрепления, отправленного в поддержку короля. Предостерегая его, она молвила: «Почему ты разрушаешь мою землю, политую кровью многих христиан?» (*Quare destruis terram meam multorum Cristianorum sanguine plantatam?..*)². Таким образом, начиная как минимум с первой четверти XIV столетия, идеологи Немецкого ордена сформулировали идею о том, что орденская Пруссия была землей Девы Марии. Сам факт, что подобный взгляд был выражен в исключительно официальном сочинении³, приобретает особую весомость. Причем такой довод сохранял силу до конца существования государства Немецкого ордена в Пруссии.

В середине XV в. в идеологической борьбе с Прусским союзом, основанным в 1440 г., орденские рыцари продолжали аргументировать мысль о принадлежности

Мариан Дыго, доктор, профессор Института истории Варшавского университета и Исторического факультета Пултуской академии гуманитарных наук, специалист в области социальной и экономической истории средневековой Европы, истории Немецкого ордена, средневековой Польши. E-mail: mard@wyszkow.net; m.dygo@ah.edu.pl

¹ Редакция международного альманаха «Европа» благодарит профессора М. Дыго за дружеское предоставление своей статьи для перевода и публикации на русском языке. Англоязычное издание см.: Dygo M. The political role of the cult of the Virgin Mary in Teutonic Prussia in the fourteenth and fifteenth centuries // *Journal of Medieval History*, 15. 1989. P. 63–69; польскую версию см.: Dygo M. O kulcie maryjnym w Prusach krzyżackich w XIV–XV w. // *Zapiski historyczne*. 1987. T. 52. H. 2. S. 237–270.

² Petri de Dusburg Chronicon Terrae Prussiae / Hrsg. v. M. Töppen // *Scriptores rerum Prussicarum* (далее — SRP). Leipzig, 1861. Bd. I. S. 3–219. S. 216.

³ Ср.: Maschke E. Die ältere Geschichtschreibung des Preussenlandes // SRP. Frankfurt a. M., 1968. Bd. VI. S. 1–21. S. 2.

Пруссии Немецкому ордену, поскольку орден принадлежал Марии⁴. В акте объявления войны Польше в 1520 г. Пруссия (герцогская и королевская) называлась «наследной землей Матери Божией» (*mutter gots erbland*)⁵. В пропагандистском стихе «Песни о том, как великий магистр Пруссии призвал Марию» (*Ein liedt wie der Hochmeister zu Preussen Mariam anruff*) (ок. 1523 г.) читается: «Земля и народ суть — достояние твое» (*landt und leute ist eygen deyn*), т.е. Марии⁶.

Концепция орденской Пруссии как «наследства» или «собственности» Девы Марии в известном смысле могла быть следствием Ее патронажа над Немецким орденом (*hospitale sanctae Mariae Theutonicorum Jherosolimitanae*).

Однако возникает вопрос: как воспринималась в Пруссии связь между Марией и Немецким орденом? В акте объявления войны Польше великий магистр Альбрехт фон Бранденбург-Ансбах (1511–1525) говорил о Пруссии: «которую мы и наш орден унаследовали от Матери Божией» (*die uns und unserm orden von wegen der muter gots zu haben besizen*)⁷. Затем с середины XV в. источники говорят об орденских рыцарях как «слугах» (*Diener*) Девы Марии⁸. В уже цитированном выше стихе приблизительно 1523 г. великий магистр адресовал Деве Марии слова: «Ты — Госпожа, а я — слуга, твой возлюбленный сын — мой Господин» (*Du bist frawe und ich der knecht, / dein lieber son der herre mein*)⁹. Здесь Альбрехт определенно представлял себя в качестве состоящего на службе (*Dienstmann*) Девы Марии.

Думается, что орденские рыцари, орден в Пруссии, были связаны с Марией отношениями правового характера. Для обозначения таких отношений с готовностью использовалась феодальная терминология. Очевидно, следует иметь в виду некоторую условность этой терминологии и ее двусмысленность в позднее Средневековье¹⁰. В полном соответствии с подобными условиями может быть сформулирована гипотеза о том, что Пруссия была своего рода бенефицием, пожалованным рыцарям Немецкого ордена Девой Марией, сюзереном этих земель, а сами рыцари репрезентировали себя в качестве «слуг» (*Diener*) Марии, или вассалов, и одновременно Ее защитников. Мотив орденских рыцарей как защитников Марии появился в их религиозной литературе к концу XIII столетия и использовался пропагандой ордена до начала XVI в.¹¹

⁴ Vetulani A. Rokowania krakowskie z r. 1454 i zjednoczenie ziem pruskich z Polską // *Przegląd Historyczny*. 1954. 45. S. 188–236. S. 200–201; cp.: Die Danziger Chronik vom Bunde / Hrsg. v. Th. Hirsch // SRP. Leipzig, 1870. Bd. IV. S. 405–448. S. 438–439 и Biskup M. Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim. 1454–1466. Warszawa, 1967. S. 401.

⁵ Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg / Hrsg. v. E. Joachim. Bd. 2. 1518–1521. Leipzig, 1894. № 104.

⁶ Schwenke P. Zwei Lieder für Hochmeister Albrecht von Brandenburg // *Altpreussische Monatsschrift*. Bd. 32. 1895. S. 153–173. S. 155.

⁷ Die Politik... № 104.

⁸ Die aeltere Hochmeisterchronik / Hrsg. v. M. Töppen // SRP. Leipzig, 1866. Bd. III. S. 519–709. S. 644.

⁹ Schwenke P. Op. cit. S. 155.

¹⁰ Górski K. Późny feudalizm. Próba definicji // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Historia*, 18. 1982. S. 5–11.

¹¹ Maschke E. Die inneren Wandlungen des Deutschen Ritterordens // *Idem*. *Domus Hospitalis Theutonicorum. Europäische Verbindungslinien der Deutschordensgeschichte. Gesammelte Aufsätze aus den Jahren 1931–1963* (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens (далее — QSGDO. — Д. Байдуш), 10). Bonn; Bad Godesberg, 1970. S. 35–59. S. 39; Schwenke P. Op. cit. S. 155; Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ordens in Preussen. Breslau, 1928. S. 39–49. — К этому мотиву восходит концепция *militia Christi*, прослеживаемая уже со времен крестовых походов. Это соответствует также рыцарскому этосу. Учитывая скромное происхождение рыцарей Немецкого ордена, этот этос был для них весьма привлекательным (cp.: Górski K. L'Ordre Teutonique. Un nouveau point de vue // *Revue historique*, 230. 1963. S. 285–295; Maschke E. Burgund und der preussische Ordensstaat. Ein Beitrag zur Einheit der ritterlichen Kultur im späten Mittelalter // *Idem*. *Domus Hospitalis...* S. 15–34). Они включили в него также персону Марии. Образец безупречного рыцаря был включен

Эти идеи отразились не только на страницах хроник, религиозных и политических трудов, но и в произведениях искусства, созданных в патронированной орденом рыцарями среде.

Формальные мирские образцы, связанные с символами правителя, ясно видны в огромной (восемь метров в высоту) статуе Девы и Младенца, помещенной в восточное окно часовни Пресвятой Девы Марии Верхнего замка в Мариенбурге (ил. 1).

Фигура Марии представлена иерархично: корона, скипетр и придворное одеяние подчеркивают Ее королевский статус. Первоначально статуя была окрашенной, позднее (ок. 1380 г.?) покрыта мозаикой. Идея скульптуры родилась в среде орденских рыцарей в ходе реконструкции часовни 1331–1344 гг.¹² Образец башенной часовни, связанной со стенами замка, был обычен для того времени¹³. Башня, среди прочего, являлась символом силы и власти. Именно поэтому Мария — Царица Небесная — интерпретировалась в Средние века как башня¹⁴.

Что особенно поражает в иконографии Св. Марии в связи с Немецким орденом в Пруссии — популярность темы Вознесения Марии, относящейся к апокрифическому сюжету Ее смерти и посмертной славы. Наиболее существенен здесь мотив Коронования Марии Христом. Этот мотив стал «образом Государства, каким оно было, повторяемым вновь и вновь в отдельных изображениях, в том числе и рыцарями ордена»¹⁵. Среди сюжетов фресковой живописи следует отметить сцену Коронования Марии в большом рефектории Среднего замка в Мариенбурге, датируемую 1370 — 1390 гг.¹⁶. Среди произведений иконописи на досках следует упомянуть похожую сцену в полиптихе (ок. 1400 г.), который находился прежде в капелле орденского замка в Грауденце¹⁷. Эта тема может быть обнаружена и в книжной миниатюре. На первой странице орденской Библии, датируемой 1321 г.¹⁸, два монаха ордена (рыцарь и священник) преклоняют колени перед коронуемой Христом Марией. Карловска-Кам-

сюда также как элемент службы избранной женщине. Отношения между культом Св. Марии орденских рыцарей и концепцией куртуазной любви легко прослеживаемы. Цистерцианское влияние и спиритуалитет также могут быть различимы здесь (ср.: Petri de Dusburg... S. 94–95; Die Chronik von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin / Hrsg. v. E. Strehlke // SRP. Leipzig, 1861. Bd. I. S. 291–624. S. 422; Funk Ph., Junke L. Zur Geschichte der Frömmigkeit und Mystik im Ordenslande Preussen // Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands, 30. 1960. S. 1–37. S. 3; Rosenberg B.-M. Marienlob im Deutschordenslande Preußen. Beiträge zur Geschichte der Marienverehrung im Deutschen Orden bis zum Jahre 1525 // Acht Jahrhunderte Deutscher Orden in Einzeldarstellungen / Hrsg. v. K. Wieser (QSGDO, 1). Bonn; Bad Godesberg, 1967. S. 321–337. S. 326–327; Wenzel H. Höfliche Geschichte. Literarische Tradition und Gegenwartsdeutung in den volkssprachigen Chroniken des hohen und späten Mittelalters. Bern, 1980. S. 41–42.

¹² Ср.: Ehrenberg H. Deutsche Malerei und Plastik von 1350–1450. Neue Beiträge zu ihrer Kenntnis aus dem ehemaligen Deutschordensgebiet. Bonn, 1920. S. 46–47; Schmid B. Die Marienburg. Würzburg, 1955. S. 38.

¹³ Skibiński S. Kaplica na Zamku Wysokim w Malborku. Poznań, 1982. S. 91–92.

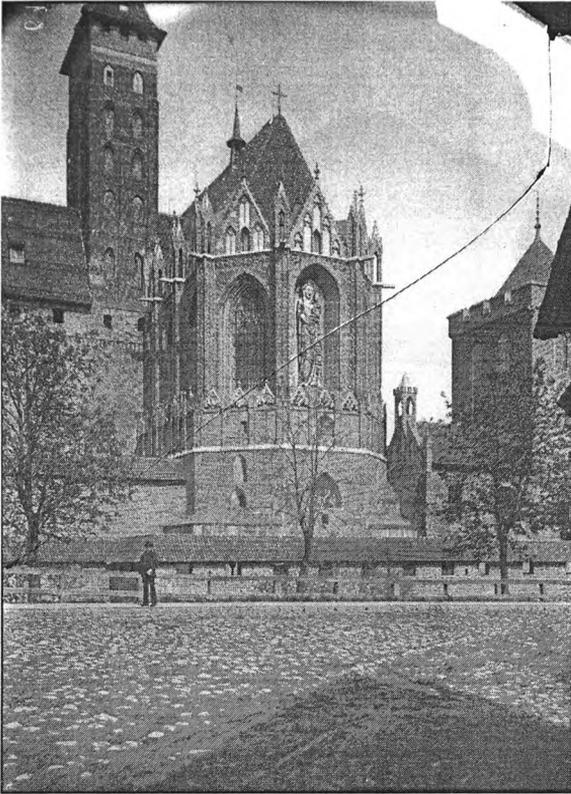
¹⁴ Sauer J. Symbolik des Kirchengebäudes und seiner Ausstattung in der Auffassung des Mittelalters. Freiburg i. Br., 1924. S. 141.

¹⁵ Karłowska-Kamzowa A. Uwagi o źródłach wyobraźniowych do dziejów Polski średniowiecznej // Mente et litteris. O kulturze i społeczeństwie wieków średnich. Poznań, 1984. S. 55–63. S. 57.

¹⁶ Domasłowski J. Uwagi o programach ideowych i systemach dekoracyjnych gotyckich malowideł ściennych w budowach świeckich na terenie Prus Krzyżackich i Królewskich // Sztuka pobrzeża Bałtyku. Warszawa, 1978. S. 149–165. S. 155, fig. 5; *Idem*. Polska północno-wschodnia // Materiały do katalogu gotyckich malowideł ściennych w Polsce / Red. A. Karłowska-Kamzowa. Poznań, 1981. S. 41–61. S. 49.

¹⁷ Dobrzeński T. Malarstwo tablicowe. Katalog zbiorów. Muzeum Narodowe w Warszawie. Warszawa, 1972. S. 87–88, fig. S. 91.

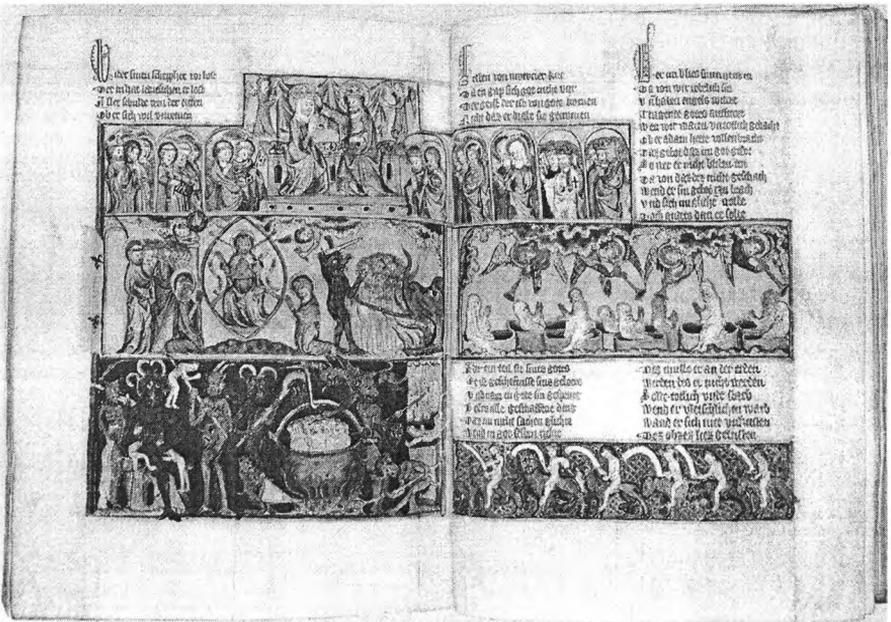
¹⁸ Polkowski I. Katalog rękopisów kapitułnych katedry krakowskiej // Archiwum do Dziejów Literatury i Oświaty w Polsce, 3. 1884. S. 1–168. S. 53–54; Karłowska-Kamzowa A. Malarstwo gotyckie Europy środkowowschodniej. Zagadnienie odrębności regionu. Warszawa, 1982. Fig. 182.

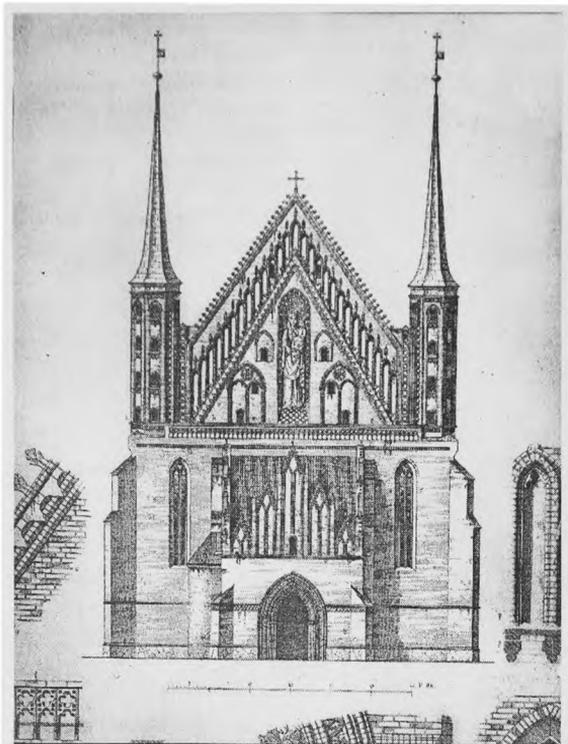

К статье М. Дыго
«Политическая роль
культы Девы Марии в ор-
денской Пруссии в XIV–
XV веках» (С. 48–60)

Ил. 1. Верхний замок
Мариенбурга / Мальборка,
часовня Девы Марии, по-
стройка 1331–1882 г. Вид
с юго-востока. Снимок до
1945.

Ил. 2. Страшный суд,
«Апокалипсис» Генриха
фон Хеслера. Торунь, Би-
блиотека университета им.
Николая Коперника, MS 44
fos. 175 v-176 r; ок. 1350 г

Ил. 3. Фрауенбург /
Фромборк, кафедральный со-
бор Успения Пресвятой Девы
Марии и Св. Андрея. Запад-
ный фасад, зарисованный
Ф. фон Квастом; после 1342 —
до 1388 г., состояние до 1839 г.

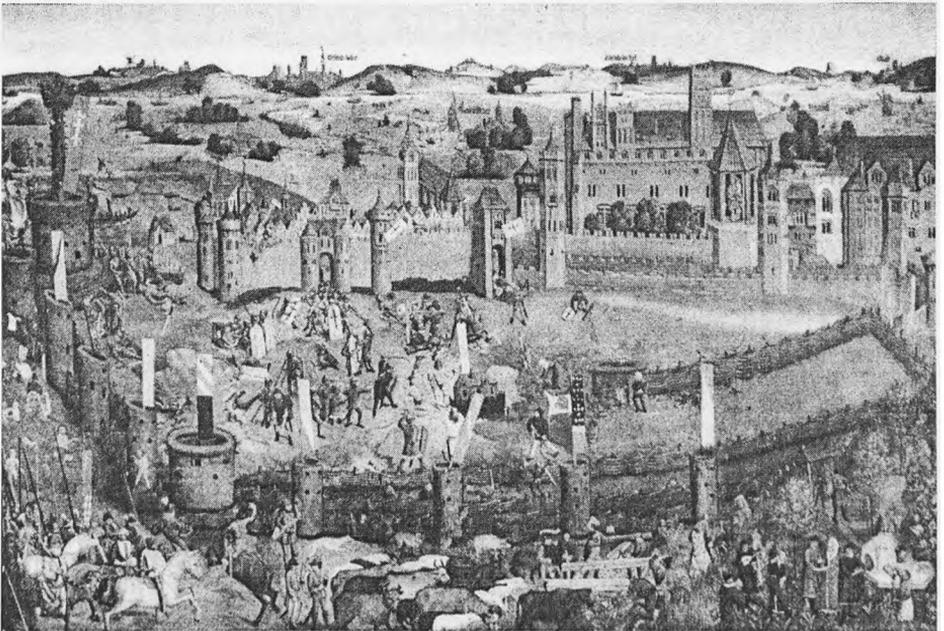

Ил. 4. Прекрасная Мадонна. То-
рунь, приходская церковь Св. Иоанна;
ок. 1400 г. Состояние до 1945 г.

Ил. 5. Schreinmadonna
из Клоновкена, ок. 1390 г.

Ил. 6. Осада Мариен-
бурга. Гданьск, Двор Ар-
туса; 1481–1488 гг., со-
стояние до 1945 г.

Ил. 7. Эпитафия Яна Кота.
Торунь, приходская церковь
Св. Иоанна; до 1455 г., состоя-
ние до 1945 г.

К публикации А.Г. Еманова
«Нюрнбергский счетный пфенниг в Сибири» (С.188–189)

зова¹⁹ указала, что «это изображение было изготовлено по приказу заказчиков, избравших его как картину-посвящение». Тема «не была соединена с текстом манускрипта, который не был иллюстрирован полностью». В одной из обильно иллюстрированных рукописей «Апокалипсиса» Генриха фон Хеслера середины XIV в. среди спасенных на Страшном суде изображен рыцарь Немецкого ордена, а дополнительно — сцена Коронования Марии, не относящаяся к тексту в целом (ил. 2)²⁰.

Среди произведений пластики следует упомянуть сцену Коронования со среднего тимпана северного портала капеллы Св. Анны, что находится в Верхнем замке в Мариенбурге (до 1344 г.)²¹. Похожий рельеф (1330-е гг.) находился на портале замковой капеллы в Штрассбурге; он был посвящен телу Христа (*Corpus Christi*) и Деве Марии²². Следует упомянуть и сфрагистику: Коронование Марии было изображено на печати великого комтура²³.

В специальной литературе затрагивался вопрос о том, в какой мере можно воспринимать эти образы религиозными посланиями? Домасловский²⁴ указывает, что сцена Коронования Марии из великого рефектория в Мариенбурге, возвеличивающая и патронессу орденских рыцарей, и Церковь, воинами коей они были, «может быть также обращена собственно к ордену». Автор добавляет, что «в том самом помещении, возможно, имелись изображения рыцарских сцен, которые тем более могли бы подчеркнуть светский характер Коронования». По мнению Карловской-Камзовой²⁵, орденские рыцари, создавая сцены Коронования Марии, «могли повысить престиж своей власти посредством саморепрезентации в качестве слуг Церкви». В популярности темы Коронования и умножении знаков власти в искусстве орденской Пруссии она видит влияние Чехии, откуда рыцари Немецкого ордена заимствовали их методы пропагандирования политических идей. Можно рискнуть расширить понимание подобных визуальных обращений как надрелигиозных посланий, как «государственной» репрезентации в искусстве Немецкого ордена: это могло быть также подходящим инструментом распространения концепции Марии как созюзерна Пруссии.

Не менее интересна иная тема: Дева Мария с коленопреклоненными монахами. Кроме вышеупомянутой миниатюры следует также иметь в виду роспись капеллы Пресвятой Девы Марии Верхнего замка в Мариенбурге, которая представляет орденских рыцарей, преклоняющих колени перед Мадонной на троне с Младенцем на руках. Есть определенные сомнения относительно ее точной даты, хотя отнесение к XIV столетию бесспорно. Может быть назван также votивный памятник или эпитафия великому магистру Вернеру фон Орзельну, убитому в 1330 г. перед порталом капеллы братом Эндорфом (или Нойдорфом)²⁶. Подобная же сцена была изображена в палате советников великого магистра в его дворце, что в Среднем замке Мариенбурга. Был изображен один из гербов, а именно: Штейнхейма, однако на других стенах сохранились гербы его компаньонов²⁷. Реликварий, заказанный в 1388 г. комтуром Эльбинга Тиле Дагистером Лорихом, тоже заслуживает внимания. Его внешняя

¹⁹ Karłowska-Kamzowa A. Malarstwo... S. 91.

²⁰ Herrmann T. Der Bildschmuck der Deutschordensapokalipse Heinrichs von Hessler. Königsberg, 1934. S. 31–32, 55–71.

²¹ Skibiński S. Op. cit. S. 145–146, fig. 32.

²² Jurkowlaniec T. Rzeźba architektoniczna na zamku krzyżackim w Brodniczy // Biuletyn Historii Sztuki, 41. 1979. S. 3–20. S. 10.

²³ Vossberg F. A. Geschichte der preußischen Münzen und Siegel von frühesten Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens. Berlin, 1843. S. 58, fig. I, II.

²⁴ Domasłowski J. Uwagi... S. 155, и ср.: *Idem*. Pomorze wschodnie // Gotyckie malarstwo ścienne w Polsce / Red. A. Karłowska-Kamzowa. Poznań, 1984. S. 121–167. S. 136–137.

²⁵ Karłowska-Kamzowa A. Malarstwo... S. 92.

²⁶ Schmid B. Die bildende Kunst in Preussen zur Zeit des Deutschen Ordens // Provinz Westpreussen, 2. Danzig, 1915. S. 442–459. S. 132–134; *Idem*. Die Marienburg... S. 27; Falberg A. Der deutsche Ordensland Westpreussen. Berlin, 1923. S. 60–61.

²⁷ Domasłowski J. Polska... S. 50.

сторона изображает рыцаря Немецкого ордена, преклонившего колени перед восседающей на троне Мадонной с Младенцем и ходатайствующей за него Св. Варварой. Эта сцена помещена на внутреннюю сторону и занимает одну четвертую часть²⁸.

Несмотря на очевидный адоративный и благочестивый характер этих сцен, хотелось бы отметить еще один момент — заимствование молитвенного жеста из ритуала оммажа²⁹. Такие сцены вполне соответствовали рыцарским идеалам, столь привлекательным для орденских братьев и позволяющим представить их как рыцарей Марии или *Diener*.

III

Кристиансен³⁰ доказывает, что Дева Мария виделась рыцарям Немецкого ордена главным образом представительницей «военного культа». Обосновываемая в данной работе точка зрения о феодализации культа Св. Марии в Немецком ордене не противоречит утверждению Кристиансена об его милитаризации. Оба взгляда дополняют друг друга. Распространенная в кругах Немецкого ордена идея об орденских рыцарях как защитниках Марии и Ее *Diener* была призвана легитимировать их военную активность. Дева Мария скорее должна была поддержать завоевание языческих народов, нежели мирную миссионерскую программу³¹. Походы в Литву (*reysa*) прославлялись в «Похвале Господу и Деве Марии» (*Dei laudem et virginis Marie*)³². Подчеркивалось, что такое направление деятельности было определено Девой Марией. В хронике Петра из Дусбурга под 1329 г. есть описание чуда, увиденного неким пруссом, стоявшим в ночной страже в замке Гирдауен в комтурстве Кенигсберг около литовской границы. Он описал большой сияющий крест. «Наконец, налетел великий смерч, который со всей своей силой направился на Восток, на Литву» (*Tandem venit turbo magnus, qui involens hec omnia secum duxit versus orientem in Lethowiam*), читаем в хронике³³. Это, как предполагается, случилось накануне Очищения Марии (*Purificatio Mariae*) (2 февраля), днем ранее обычного начала походов на Литву³⁴.

Это было время зимних походов. Летние приходились на Вознесение Марии (*Assumptio Mariae*) (15 августа) и Рождество Марии (*Natiuitas Mariae*) (8 сентября)³⁵. То были сезоны, когда существовала единственная возможность использовать дороги после весенней оттепели или перед осенними дождями³⁶. Походы на Литву стали составной частью празднования этих дней. Согласно уставу рыцари Немецкого ордена обязательно причащались в дни Вознесения и Очищения Марии (*Assumptio Mariae, Purificatio Mariae*)³⁷. Таким образом, они отправлялись в Литву вооруженными вдвойне: духовным оружием и боевым снаряжением.

²⁸ Sokolnicka D. Relikwiarz z Elbląga z 1388 r. // *Studia Pomorskie* / Red. M. Walicki. Wrocław, 1954. S. 154–166. S. 155–156, fig. 1.

²⁹ Bloch. M. 1970. *La société féodale*. Paris, 1970. S. 328; Sczaniecki P. *Gest modlitewny w późnym średniowieczu* // *Kultura elitarna a kultura masowa w Polsce późnego średniowiecza* / Red. B. Geremek. Wrocław, 1978. S. 41–51. S. 49–50.

³⁰ Christiansen E. *The northern crusades. The Baltic and the catholic frontier. 1100–1525*. London, 1980. S. 214.

³¹ Górski K. Henryk-Heidenreich pierwszy biskup chełmiński // *Idem. Studia i materiały z dziejów duchowości*. Warszawa, 1980. S. 137–151. S. 43–45.

³² *Die Chronik Wigands von Marburg* / Hrsg. v. Th. Hirsch // *SRP. Leipzig, 1863. Bd. II. S. 429–662. S. 618, 620*.

³³ *Petri de Dusburg... S. 216*.

³⁴ *Die Chronik Wigands... S. 487, 511, 520, 564, 586, 594; Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae* / Hrsg. v. E. Strehlke // *SRP. Leipzig, 1863. Bd. II. S. 9–116. S. 68; Franciscani Thorunensis Annales Prussici* / Hrsg. v. E. Strehlke // *SRP. Leipzig, 1866. Bd. III. S. 57–316. S. 145, 226*.

³⁵ *Die Chronik Wigands... S. 514, 550, 552, 559, 622; Hermanni de Wartberge... S. 92, 101; Franciscani Thorunensis... S. 137, 172, 214*.

³⁶ О возникновении праздника *Annuntiatio Mariae* (25 марта) см.: *Hermanni de Wartberge... S. 51*.

³⁷ *Die Statuten des Deutschen Ordens nach den ältesten Handschriften* / Hrsg. M. Perlbach. Halle a. S., 1890. S. 36.

Тогда неудивительно, что победы над литовцами, одержанные в дни Св. Марии, приписывались Ее посредничеству или персональному участию в битве³⁸. С целью увековечения памяти о победе над литовцами на реке Стреве 2 февраля 1348 г. великий магистр Генрих Дузмер (1345–1351) основал в 1349 г. монастырь Св. Марии в Лёбенихте, одном из центров Кенигсберга, предназначавшийся, по-видимому, для цистерцианских монахинь³⁹. Это был продуманный выбор, поскольку в Кенигсберге собирались уходящие на Литву войска. Великий магистр Винрих фон Книпроде (1351–1382), враг Литвы, был большим благодетелем монастыря. В его времена, как говорит Виганд, в монастыре, как и в иных церквях: «всякий раз, когда наступали индикты очередного похода ...против язычников, становились все более продолжительными молитвы, посты и пожертвования ...во спасение отправляющихся на войну и смерть» (*quotiens indicta fuerat aliqua reysa ...contra paganos, tociens multiplicatae sunt oraciones, staciones, misarum solempnia ...in salutem transeuncium ad agones et bellas*)⁴⁰.

Над уходящими в поход войсками (*reysa*) трепетало знамя с образом Пресвятой Девы Марии — *vexillum virginis Mariae*. Исследования Экдала⁴¹ показывают, что это знамя было одним из высших в ордене, наряду со знаменами великого магистра и великого маршала. В свете настоящего обсуждения оно может трактоваться как знамя сюзерена — Девы Марии, ведшей в бой рыцарей Немецкого ордена, Ее вассалов (*Diener*). Наиболее ранние сведения об этом знамени сообщаются Вигандом; относятся они к началу XIV в.⁴² Таким образом, появление этого знамени совпадает со временем рождения концепции о Марии как сюзерене Пруссии.

IV

Следствием утверждения о принадлежности Пруссии Деве Марии стала идея тождества противостояния орденским братьям противостоянию самой Марии. В данном случае примечательным выступает вымышленный диалог между Владиславом Локетком, королем Польши, и великим князем Литвы Гедимином (1316–1341), включенный в хронику Виганда: «король Польши Локетек спросил короля Гедимиона, сможет ли он выступить вместе с ним в поход против Пруссии. Тот ответил: “Я просил бы тебя об одном условии, чтобы он был начат в день Рождества Марии”» (*rex lokut Poloniae regem Gedymynum petiit, ut cum eo in Pruziam transiret. Qui respondit: ego una vice condixi tecum, ut in die nativitatis Marie ibidem constitueremur...*)⁴³. Поход в Пруссию в день Св. Марии особенно подчеркивает противостояние Деве Марии⁴⁴.

Интересное предание родилось в орденской среде в ходе осады Мариенбурга в 1410 г. В армии польского короля Владислава Ягелло (1386–1434) был каноник, пробовавший вести огонь из своей бомбарды по замковой капелле со статуей Девы Марии и Младенца. Он ослеп сразу, как только выпустил ядро. Благодаря милосердию Девы Марии он вновь обрел зрение и сражался на стороне ордена. Это предание, кажется, широко распространялось рыцарями Немецкого ордена во множестве вариантов⁴⁵.

³⁸ Ср.: Petri de Dusburg... S. 119–129; Hermanni de Wartberge... S. 511, 413, 512.

³⁹ Preussisches Urkundenbuch. Politische Abteilung. Bd. IV / Hrsg. H. Köppen. Marburg, 1960. № 470.

⁴⁰ Die Chronik Wigands... S. 616.

⁴¹ Ekdahl S. Die “Banderia Prutenorum” des Jan Długosz — eine Quelle zur Schlacht bei Tannenberg. Untersuchungen zu Aufbau, Entstehung und Quellenwert der Handschrift. Göttingen, 1976. S. 25–27. Ср.: Górski K. Litewskie powiązania „Banderia Prutenorum” Jana Długosza. Na marginesie książki Svena Ekdahla // Długossiana. Studia historyczne w pięćsetlecie śmierci Jana Długosza. Warszawa, 1980. S. 168–180.

⁴² Die Chronik Wigands... S. 454–456.

⁴³ Die Chronik Wigands... S. 471.

⁴⁴ Ibid. S. 495, 502, 561; Hermanni de Wartberge... S. 45; Franciscani Thorunensis... S. 172, 175.

⁴⁵ Johann's von Posilge, Officialis von Pomesanien. Chronik des Landes Preussen / Hrsg. v. E. Strähle // SRP. Leipzig, 1866. Bd. III. S. 79–388. S. 321–322; Triller A. Jugenderinnerungen an die Heimat im Werke des Kartäusers Dominikus von Preussen (1384–1460) // Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands, 1967–1968. Bd. 31/32. S. 41–58. S. 57.

Однако основная идея всегда была одной и той же: Дева Мария очень сурова в наказании всех деяний против Ее земель. Они обречены на провал, неудачная осада Мариенбурга — замка Марии — показывает это наиболее ярко.

В периоды военных угроз орденские рыцари становились весьма изощренными в выборе иконографии Св. Марии. На золотых монетах великого магистра Генриха Рейсса фон Плауена (1410–1413) и на золотых и серебряных монетах великого магистра Альбрехта Ансбах-Бранденбургского, чеканившихся во времена вооруженных конфликтов с Польшей, как правило, было изображение Мадонны Апокалипсиса или Царицы Небесной⁴⁶. Этот иконографический мотив с особой силой подчеркивал образ Марии, борющейся со злом, т.е. польской армией⁴⁷. Дукаты Альбрехта содержали легенду: ADIUVA O VIRGO RES TUA AGITUR. Эти деньги шли на оплату наемников. Представленные на них изображения и легенды могли совместно воздействовать на идеологическую позицию наемников; они были отличным средством политической пропаганды.

Рыцари Немецкого ордена представляли Деву Марию в качестве активного участника в борьбе не только с внешними врагами ордена, но и с его внутренними противниками в Пруссии. Вышеупомянутая концепция подчинения Пруссии и ордена Деве Марии, думается, была призвана предотвратить уступку земель Прусским союзом Польше в середине XV столетия. В течение Тринадцатилетней войны (1454–1466) с Польшей и Прусским союзом орденские рыцари подчеркивали вновь и вновь, что Дева Мария помогает ордену в его борьбе с врагом⁴⁸. Посредством Ее помощи, например, орденским наемникам посчастливилось одержать победу в битве при Хойнице (18 сентября 1454 г.): «один из пленных поляков говорил, что они видели Богоматерь в белом облачении, вознесенной над немецким войском» (*als man manchmal von den gefangen Polen hort sagen, sy heten dy mutter gotes in eynen weyssen kleytt sehen sweben ober dem tewtschen heer*)⁴⁹. Белый плащ Марии, несовместимый с иконографическим каноном⁵⁰, ассоциировался с орденским плащом. Нося его, Дева Мария как бы возглавляла армию ордена и командовала ей. Пять польских знамен, захваченных при Хойнице, включая знамя королевства Польского, были вывешены в капелле Пресвятой Девы Марии в Мариенбургском замке⁵¹.

V

Позвольте теперь обратиться к рассмотрению епископства Вармии, второго после ордена феодального землевладельца в Пруссии. Вармийское епископство было единственным, сохраняющим существенную независимость от орденских рыцарей, принимая во внимание, что остальные капитулы были инкорпорированы в Немецкий орден в течение XIII в. Епископство ревностно отстаивало свой статус от послабления рыцарей. В этой борьбе епископы и капитулы Вармии, думается, считали культ Св. Марии подходящим оружием.

Во фронтоне над западным сводом собора, посвященного Успению Пресвятой Девы Марии и Св. Андрею, во Фрауенбурге, в нише, что была на месте сегодняшнего среднего окна, до 1839 г. была огромная (десять метров высотой) статуя Девы Марии

⁴⁶ Vossberg F. A. Op. cit. S. 142–143, 199–200, figs. VI, 629, 631; XI, 1227, 1230; XII, 1221, 1229, 1231, 1242.

⁴⁷ Steinmann O. Apokalyptisches Weib // Lexikon der Marienkunde / Hrsg. v. K. Algermissen, L. Böer. Regensburg, 1957. S. 312–314.

⁴⁸ Die aeltere Hochmeisterchronik... S. 669, 685, 697; Geschichte wegen eines Bundes / Hrsg. v. M. Tuppen // SRP Leipzig, 1870. Bd. IV. S. 71–211. S. 127, 145.

⁴⁹ Die aeltere Hochmeisterchronik... S. 689–690; Geschichte wegen eines... S. 137.

⁵⁰ Beissel S. Geschichte der Verehrung Marias in Deutschland während des Mittelalters. Freiburg i Br., 1909. S. 329; Forsyth I. The throne of wisdom. Wood sculptures of the Madonna in romanesque France. Princeton, 1972. S. 19–20.

⁵¹ Die aeltere Hochmeisterchronik... S. 680.

и Младенца⁵². Она была оштукатурена и окрашена. Реконструкция Кваста⁵³ походит на статую капеллы в Мариенбурге (ил. 3).

Фрауенбургская статуя была создана при епископе Генрихе (III) Зоербоме (1373–1401), т.е. примерно в то же время, когда мастера из Венеции покрыли мозаикой статую в Мариенбурге. Создатели статуи во Фрауенбурге, несомненно, черпали вдохновение в архитектурной концепции замковой капеллы Мариенбурга. Так был подчеркнут патронаж Девы Марии над капитулом, который был гарантией его суверенитета по отношению к Немецкому ордену. Статуя западного фасада собора — символически понимаемого как замок⁵⁴ — была превосходным завершением обширной фортификационной системы собора на холме. Эти укрепления имели не только военное значение, но также выражали идею: «их форма “каменной короны” (*corona muralis*) была символом суверенитета власти капитула»⁵⁵.

С другой стороны, в резиденции епископов Вармийских, замке Хайльсберг, живопись ориентировалась на повторение популярных среди орденских рыцарей тем. В доме капитула во второй четверти XV в. был изображен ряд епископов Вармии. Первый епископ — Ансельм (1250–1274) — был показан коленапреклоненным перед восседающей на троне Мадонной с Младенцем, словно он отдавал диоцез под Ее защиту⁵⁶. Поскольку сцена Коронования Марии в великом рефектории была изображена около 1300 г., это следует интерпретировать как знак суверенитета Вармийского диоцеза относительно Немецкого ордена⁵⁷.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в защите своей независимости от Немецкого ордена епископы Вармии и капитул использовали культ Св. Марии как оружие. В Деве Марии они видели гарантию этой независимости и единственного властителя. Эта мысль, должно быть, также была направлена на персону епископа и членов капитула. Идея апеллирования к защите Св. Марии в политических целях была воспринята от орденских рыцарей, использовавших подобные темы и изобразительные формы.

VI

XIV в. отмечен значительной цезурой в истории западного христианства: в это время происходит популяризация и гуманизация религии и поиск новых форм благочестия. Больше не было места ни для модели «схоластического», исключительного и традиционного благочестия⁵⁸, ни для «авторитетного христианства эпохи крестовых походов»⁵⁹ рыцарей Немецкого ордена.

⁵² Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Ermeland. Königsberg, 1894. S. 87; Dittrich F. Der Dom zu Frauenburg // Zeitschrift für die Geschichte und Altertumskunde Ermlands, 18. 1913. S. 549–708. S. 562.

⁵³ Quast F. Denkmale der Baukunst im Ermeland. Berlin, 1852. S. 28.

⁵⁴ Bandmann G. Mittelalterliche Architektur als Bedeutungsträger. Berlin, 1951. S. 97, 111–112.

⁵⁵ Kutzner M. Społeczne warunki kształtowania się cech indywidualnych sakralnej architektury gotyckiej na Warmii // Sztuka побережа Bałtyku. Warszawa, 1978. S. 49–88. S. 87, № 58; Zagrodzki T. Warownia we Fromborku jako katedralne założenie obronne // Kwartalnik Architektury i Urbanistyki, 16. 1969. S. 181–272.

⁵⁶ Domański J. Uwagi... S. 157; *Idem*. Polska... S. 48; *Idem*. Gotyckie malowidła ścienne na zamku biskupim w Lidzbarku Warmińskim // Sredniowieczne zamki Polski północnej. Malbork, 1983. S. 95; *Idem*. Die gotische Malerei im Dienste des Deutschen Ordens // Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur / Hrsg. v. Z.H. Nowak. Toruń, 1985. S. 169–184. S. 181–182. — Свообразным завершением ряда епископов является картина (ок. 1400 г.) замковой галереи, показывающая епископа восходящим по лестнице к восседающим на троне фигурам Христа и Марии (Domański J. Uwagi... S. 156–157; *Idem*. Gotyckie... S. 91–93; *Idem*. Pomorze... S. 149–150).

⁵⁷ Domański J. Uwagi... S. 157–158; *Idem*. Gotyckie... S. 90; *Idem*. Pomorze... S. 149–150; *Idem*. Die gotische... S. 181–182.

⁵⁸ Mollat M. La vie religieuse au XIVe siècle et au XVe siècle. Paris, 1966; Chelini J. Histoire religieuse de l'Occident médiéval. Paris, 1968; Rapp F. L'Église et la vie religieuse en Occident à la fin du Moyen Age. Paris, 1971; Delaruelle E. La piété populaire au moyen âge. Torino, 1975.

⁵⁹ Kłocowski J. Europa słowiańska w XIV–XV wieku. Warszawa, 1984. S. 187.

Примерно в то же время, когда итальянские живописцы покрывали мозаикой кульговую статую Марии капеллы в Мариенбурге, а епископы Вармии устанавливали не менее значимую статую Марии в соборе Фрауенбурга, известная скульптура Прекрасной Мадонны (ил. 4) была водружена на алтарь францисканской церкви, посвященной Пресвятой Деве Марии в Торне⁶⁰.

Различные идеи, отраженные этими памятниками, проливают некоторый свет на менталитет их создателей. С одной стороны, это Дева Мария, властная и воинственная, в стороне от повседневных человеческих проблем, покровительница орденских рыцарей или вармийских епископов. С другой стороны — Мадонна горожан Торна — символ счастливого материнства, обладающая человеческими чертами.

Популярные среди рыцарей Немецкого ордена темы, помещенные в различную среду, могли подчеркивать совершенно разные идеи. Таким образом, «государственная» тема Коронавания Марии, часто повторяемая в ордене как отдельный образ, в приходских церквях становилась скорее элементом изобразительного повествования, как, например, настенная живопись XIV в. в церкви Св. Иакова в Торне⁶¹.

Весьма выразительны в этом плане *Schreinemadonnen*, пользовавшиеся значительной популярностью во владениях Немецкого ордена. Этот тип фигуры — комбинация трех иконографических мотивов: восседающая Мадонна с Младенцем на коленях, Престол милосердия и Покров (ил. 5).

Существует определенная полемика относительно теологической интерпретации этих произведений. Гембарович⁶² недавно указал, что они — признаки «вырождения культа Св. Марии», что проявляется в «фигуре Христа, прикрываемого Матерью». Более интересна для настоящего исследования политическая идея, выраженная достаточно определенно в подборе фигур, показанных на «крыльях» *Schreinemadonnen*. Цехолевский⁶³ интерпретирует их так:

1. Статуя из церкви в Клоновкене (ок. 1390 г., сейчас в Музее диоцеза в Пельплине) (ил. 5): Венцель IV, король Германии и Чехии; София, его вторая жена; Елизавета, вдова императора Карла IV; Анна, сестра Венцеля и жена короля Англии Ричарда II; кардинал; рыцарь Немецкого ордена.

2. Статуя из Музея Клоунийского монастыря в Париже (ок. 1390 г.): Венцель IV со второй женой Софией; король Венгрии Сигизмунд Люксембургский с женой Марией; епископ; папа; рыцарь Немецкого ордена.

3. Мадонна из церкви Пресвятой Девы Марии в Эльбинге (после 1393 г., утрачена); Сигизмунд Люксембургский; германский король Руперт с женой; Пресвятая Доротея из Монтау; великий магистр Конрад фон Юнгинген; Конрад фон Кибург-Бургдорф, комтур Бальги.

4. Мадонна из монастырской церкви в Сейни (ок. 1400 г.): папа; два рыцаря Немецкого ордена; люди из Орденского государства (*Ordenstaat*).

5. Статуя в германском национальном музее в Нюрнберге (ок. 1400–1410 гг.), первоначально в замке орденских рыцарей Роггенхаузен (?); представители отдельных сословий.

6. Мадонна из церкви в Либшау (ок. 1420–1430 гг., утрачена); представители отдельных сословий⁶⁴.

⁶⁰ Kruszelnicka J. Dawny ołtarz Pięknej Madonny Toruńskiej // Teka Komisji Historii Sztuki, 4. 1968. S. 5–85.

⁶¹ Michnowska M. Malowidła ścienne z XIV w. w kościele sw. Jakuba w Toruniu // Teka Komisji Historii Sztuki, 3. 1965. S. 5–72. S. 30–33, 56, 58–61.

⁶² Gebarowicz M. Mater Misericordiae, Pokrow, Pokrowa w sztuce i legendzie środkowo-wschodniej Europy. Wrocław, 1986. S. 30; Ciecholewski R. Problematyka badawcza Pomorskich Madonn Szafkowych // Studia Pelplińskie, 8. 1977. S. 128–152.

⁶³ Ciecholewski R. Polityka krzyżacka przełomu XIV i XV w. w świetle ikonografii malowideł na „skrzydłach” Pomorskich Madonn Szafkowych // Studia Pelplińskie, 11. 1980. S. 253–270. S. 258–268, ср.: Gebarowicz M. Op. cit. S. 28–29.

⁶⁴ Приведенный выше перечень игнорирует памятники, прусское происхождение которых дискуссионно: 1. *Schreinemadonna* из церкви в Мистерхульте, сейчас в Кальмарском музее, Шве-

Детали вышеизложенного выбора персоналий могут быть предметом дискуссии; однако несомненно, что для орденских рыцарей эти фигуры, несмотря на выделение из нового культа Св. Марии, являлись средствами распространения политических идей. Они показывали, кто имел право на место под Покровом Мадонны: именно рыцари Немецкого ордена и поддерживавшие их политические круги (статуи из Клоновкена и Музея Клонийского монастыря). Эти произведения были созданы орденном и, вероятнее всего, первоначально помещались в замковых капеллах. С другой стороны, нет примеров, показывающих сословия страны и орденских рыцарей под Покровом, даже в случае Мадонны из Сейни представители духовенства Орденского государства не показаны на «крыльях».

Однако на «крыльях» *Schreinemadonnen*, происходящих из светской среды (произведения из Нюрнберга и Либшау), показаны представители отдельных сословий, но там нет рыцарей Немецкого ордена. Точно так же на многочисленных изображениях *Mater misericordiae* в церквах орденской Пруссии создатели этих образов не представили рыцарям ордена никакого места под одеянием Мадонны⁶⁵. Однако в паломнической церкви в Юдиттене, особо связанной с орденом, это были только орденские рыцари с их цветными гербовыми щитами (ок. 1390 г.), помещенные под Покровом Мадонны⁶⁶.

Как упоминалось выше, в середине XV столетия рыцари Немецкого ордена использовали культ Св. Марии в борьбе с непокорными сословиями. Весьма интересно отношение оппозиции к ордену; в этом плане следует упомянуть сочинение, известное как *Liedt von ordensherren*. Оно описывает борьбу между орденом и Прусским союзом в начале правления великого магистра Людвига Эрлихсхауэна (1450–1467). Среди прочего в ней упоминается, что рыцарство и города направили делегатов к орденским рыцарям: «Они очень просили их, чтобы они оставили страну под их собственным правом ради уважения к нашей Госпоже» (*sie baten sie gar sehr, das sie / das land solden bei ihrem rechte lan / durch unser frawn her*)⁶⁷. Таким образом, орден, приняв программу внутренних реформ и выполнив ее, оказал тем самым почтение Деве Марии. В остальных случаях, подчеркнула оппозиция, в сфере преобразований, сотрудничестве с прусскими сословиями, рыцари Немецкого ордена могли рассчитывать на поддержку Девы Марии⁶⁸. С другой стороны, в течение Тринадцатилетней войны сословия, видимо, не связывали непосредственно образ Девы Марии с военным участием. Действия орденских рыцарей в этом отношении находили у них слабую поддержку⁶⁹.

В контексте нашей темы особенно важен анонимный памятник живописи на досках, называемый в литературе «Осада Мариенбурга» (ил. 6).

Он представляет осаду Мариенбурга в 1460 г., когда город был занят рыцарями Немецкого ордена (с 1457 г.), в то время как замок удерживался поляками (с 1456 г.). Картина датируется 1480-ми гг. До конца Второй мировой войны она находилась в

ция. По мнению Аймера (Eimer B. *Gotland unter dem Deutschen Orden und die Komturei Schweden zu Arsta*. Innsbruck, 1966. S. 268), одно из «крыльев» может показывать *familiaris* ордена. 2. Мадонна из Оверторнеа (Швеция); профессор Кароль Гурский предполагает, что на ней представлен служащий брат. 3. Мадонна в *Kunstindustriemuseum* в Копенгагене; среди показанных на «крыльях» фигур орденских рыцарей нет. 4. Мадонна из диоцезного музея в Вене: рыцарей Немецкого ордена на «крыльях» нет.

⁶⁵ Heuer R. *Die Werke der bildenden Kunst und des Kunstgewerbes bis zum Ende des Mittelalters* (Thomer Kunstaltertümer, 1). Thom, 1916. S. 17–18, 23, 28; Chmarzyński G. *Sztuka w Toruniu. Zarys dziejów // Dzieje Torunia / Red. K. Tymieniecki*. Toruń, 1933. S. 469–544. S. 510–513; Michnowska M. *Op. cit.* S. 58–61.

⁶⁶ Dehio G., Gall E. *Handbuch der deutschen Kunstdenkmäler. Deutschordensland Preussen*. München, 1952. S. 394.

⁶⁷ Töppen M. *Volkstümliche Dichtungen zunächst aus Handschriften des 15., 16. und 17. Jahrhunderts gesammelt // Altpreussische Monatsschrift*, 9. 1872. S. 289–314, 385–430, 513–549. S. 294.

⁶⁸ *Die Danziger Chronik...* S. 418–420.

⁶⁹ Günther O. *Lateinische Verse über Danziger geschichtliche Ereignisse des 14. und 15. Jahrhunderts // Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, 60. 1920. S. 13–25. S. 18.

Данциге, во Дворе Артуса, будучи заказанной Мариенбургским братством; оно было образовано горожанами Данцига, участвовавшими в Тринадцатилетней войне, и в том числе в сражении за Мариенбург⁷⁰.

Центральная часть картины изображает замок и город Мариенбург с востока: город и Верхний замок полностью, лишь часть Среднего замка. Детали городского пейзажа и архитектуры в общем представлены верно, лишь за одним исключением. В восточной линии городских стен существовали только одни ворота, называвшиеся «Гончарными», или «Вратами Святого Духа», между тем как художник расположил здесь двое ворот. Уже давно эти вторые ворота (помещенные на картине слева от Гончарных ворот) были идентифицированы как Врата Св. Марии⁷¹. В действительности Врата Св. Марии были в южной части городских стен Мариенбурга.

Изображение на этой картине восточной стороны города и замка не подтверждается фактическим ходом военных действий у Мариенбурга. В 1454 г. замок обстреливался с запада, в то время как в 1457 г. город был атакован с юга⁷². Таким образом, следовало ожидать, что живописец покажет Мариенбург если не с юга, то, по крайней мере, с юго-востока.

Тогда возникает вопрос: существовали ли архитектурные объекты, единые по смыслу для южной стороны городских стен и восточной стороны Верхнего замка? Ответ утвердителен: у Врат Св. Марии и в Высоком замке находились капеллы оборонительного характера, посвященные Марии⁷³. Акцент на капеллах наделял схожим значением два объекта на картине, замок и город. Для создателей картины было весьма важно отметить это, даже за счет жертвования точностью в изображении городских реалий. Примечательно, что художник изобразил только фрагмент Среднего замка, замковую капеллу со статуей, которую он разместил в середине замка, аналогично Вратам Св. Марии, которые он поместил в середине города. В Верхнем замке не было более ничего, его военное значение в течение осады города было небольшим (по 1457 г. город обстреливался из Высокого замка). Замок был показан лишь ради акцента на капелле Пресвятой Девы Марии.

Создатели картины «Осада Мариенбурга», возможно, преследовали цель показать, что Дева Мария отвергла рыцарей Немецкого ордена. Они оказались недостойны Ее защиты, поэтому замок и город Мариенбург попали в руки войск Польши и Данцига. Патронесса орденских рыцарей поддержала союзников. Не исключено, что эта мысль была подчеркнута в росписи «Корабль церкви» (конец XV в.), созданной по заказу членов Мариенбургского братства и выставленной во Дворе Артуса рядом с «Осадой Мариенбурга». Представленное на картине судно — «корабль церкви Пресвятой Девы Марии, символ коммуны Данцига»⁷⁴.

Монах Картезианского ордена из монастыря «Рая Марии» в Картхаузе Генрих Берингер предупредил орденских рыцарей об отвержении ордена Девой Марией. Он был автором так называемого «Наставления» (*Admonition*) (ок. 1427 г.), адресованного великому магистру Паулю фон Руссдорфу (1422–1441), которое содержало программу реформ земель и собственно ордена⁷⁵. Тот факт, что Дева Мария одаривала своей милостью сражавшихся с орденом, был также отражен в эпитафии Яну Коту, кастеляну Лонда в Великой Польше, некогда находившейся в церкви Св. Иоанна в Торне (ил. 7).

⁷⁰ Labuda A. Malarstwo tablicowe w Gdańsku w 2 poł. XV w. Warszawa, 1979. S. 115–116.

⁷¹ Labuda A. Malarstwo... S. 117.

⁷² Biskup M. Trzynastoletnia... S. 158–159, 193–195, 202–216, 502–504, 565–570.

⁷³ Санктуарий Св. Марии в воротах Св. Марии, датируемый 1440-ми гг.: Schmid B. Die Baudenkmäler in der Stadt Marienburg // Neues Marienburger Heimatbuch. Herford, 1967. S. 293–305. S. 294.

⁷⁴ Labuda A. Malarstwo... S. 126.

⁷⁵ Die Ermahnung des Carthäusers / Hrsg. v. Th. Hirsch // SRP. Leipzig, 1870. Bd. IV. S. 449–465. S. 460; ср.: Arnold U. Beringer Heinrich // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon. Bd. I. Berlin, 1978. S. 723.

Эта картина была недавно датирована приблизительно 1455 г.⁷⁶ Ян Кот участвовал в осаде Мариенбурга в 1454 г. и умер от ран, полученных в замке. Эпитафия изображает умершего в сопровождении Св. Варвары перед восседающей на троне Мадонной. Таким образом, и этот противник орденского рыцарства предстает окруженным патронессами ордена⁷⁷.

VII

Беккер⁷⁸ недавно показал, как в Средние века патроны стран наделялись государственной и законодательной властью и превращались в правителей. Проанализированный в данной статье материал полностью отвечает этому образцу: Дева Мария трансформировалась из патронессы ордена в правовое лицо — сюзерена Пруссии. Орденские рыцари просто репрезентировали себя как *Diener* Марии, обладая властью, коей они наделялись реальной владычицей страны. Эта концепция родилась в начале XIV столетия, когда закладывались социальные, правовые и экономические основы государства Немецкого ордена в Пруссии после перенесения резиденции высших официалов ордена из Венеции в Мариенбург (1309).

Даруя государственную и законодательную власть, культ Св. Марии легитимировал сюзеренитет ордена в Пруссии, сакрализовал его и делал независимым от других правителей. Это обеспечило консолидацию жителей Пруссии вокруг Немецкого ордена. Весьма существенным является тот факт, что орденские рыцари обладали значительным потенциалом для воздействия на религиозную жизнь их подданных. Большинство капитулов было инкорпорировано в орден, его власть поддерживалась епископами Пруссии, и он также контролировал большую часть приходских церквей⁷⁹.

В первой половине XV в. мы наблюдаем в Пруссии типичное в управляемых церквях политических структурах явление⁸⁰: спор за патронессу⁸¹. Для прусских сословий, как и для рыцарей, Дева Мария выдвигалась в качестве их представительницы и законной защитницы⁸². Это явление может быть понято лишь в контексте изменений в религиозной жизни позднего Средневековья. Представляемая орденскими рыцарями модель христианства все более устаревала, однако удерживалась на необходимой высоте ради власти и политики. Попытки адаптации к новым условиям были слабы (vide пример *Schreimadonnen*). Таким образом, возможности воздействия на религиозную жизнь подданных неизбежно размывались.

Другой вопрос возникает в связи с ситуацией в Ливонии, где Немецкий орден также обладал территориальной властью. Мы знаем, что орденские рыцари из Ливонии построили в 1342 г. два замка — Фрауенбург и Мариенбург — *contra scismaticos*⁸³.

⁷⁶ Labuda A. Wrocławski ołtarz św. Barbary i jego twórcy. Studium o malarstwie śląskim połowy XV wieku. Poznań, 1984. S. 183.

⁷⁷ Mroczo T. Czerwińska herma św. Barbary // Studia Źródłoznawcze, 19. 1984. S. 85–116. S. 113–114.

⁷⁸ Becker H. Der Heilige als Landesherr. Zur staatsrechtlichen Symboldeutung des Patrons im europäischen Bereich // Symbolon. Jahrbuch für Symbolforschung. NS. 1982. № 6. S. 9–25.

⁷⁹ Biskup M. Zjednoczenie Pomorza Wschodniego z Polską w połowie XV wieku. Warszawa, 1959. S. 20, 29–31, 35–39; *Idem*. Pommern und Pommerellen als Problem der deutschpolnischen Beziehungen im 14. und 15. Jahrhundert // Die Rolle Schlesiens und Pommerns in der Geschichte der deutschpolnischen Beziehungen im Mittelalter. Braunschweig, 1983. S. 143–155. S. 151–152.

⁸⁰ Becker H. Op. cit. S. 21.

⁸¹ Розенберг не замечал этой проблемы: Rosenberg B. Op. cit.

⁸² Ср.: Borst A. Schutzheilige mittelalterlicher Gemeinwesen. Konstanzer Arbeitskreis für mittelalterliche Geschichte. Protokoll über die Arbeitssitzung vom 24. 1. 1970. № 157. — Следует обратить внимание на историю культа Св. Варвары в орденской Пруссии. Мрочко (Mroczo T. Op. cit. S. 113–114, ср.: Pollakówna M. Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. S. 70–73) — указывала, что рыцари ордена придавали ему официальный, государственный характер, так, чтобы это служило распространению идей Немецкого ордена. С другой стороны, «местные жители наделяли его локальным смыслом»: Св. Варвара была патронессой ремесленников и рыбаков региона нижней Вислы.

⁸³ Hermanni de Wärtberge... S. 92.

Рыцари ордена в Пруссии делали то же самое; замкам, служившим основой военных действий против Литвы, давались *nomes propugnaculum* Мариенбург⁸⁴. Другой пример: в замке Риги были два сходных огромных рельефа, выполненных в 1515 г. Один из них представлял Мадонну «Апокалипсиса», другой — ландмейстера ордена в Ливонии Вольтера фон Плеттенберга, заказчика ансамбля⁸⁵. Происхождение этого рельефа, возможно, было связано со сложным политическим положением орденских рыцарей в Ливонии в начале XVI столетия.

И все же при подведении общих итогов следует быть осторожным. По сравнению с Пруссией положение ордена в Ливонии было слабым. Орденские рыцари столкнулись здесь с успешным вызовом из территорий епископов и епископских городов⁸⁶. Уже в 1202 г. епископ Ливонии Альберт фон Букстехуде принял для своей страны название «земля Марии»⁸⁷. Нельзя исключать возможность, что этот пример вдохновил рыцарей Немецкого ордена, дабы использовать культ Девы Марии в политических целях⁸⁸.

Пер. с англ. Д.В. Байдуж

SUMMARY

This article addresses the legal and political aspects of the cult of the Virgin Mary in Teutonic Prussia in the 14th and 15th centuries. The author contends that the Teutonic Knights considered the Holy Virgin the sovereign of Prussia. This Teutonic concept of the cult of the Virgin Mary was to consolidate Prussian society with the Order, as well as to strengthen the authority of the Knights as the country's masters. However, in regard to important changes within Christianity in the 14th and 15th centuries, this concept grew ever more anachronistic. The dispute between the Prussian estates and the Teutonic Order over the principles for governing the country, a dispute that reached its crescendo in the mid-15th century, may be treated as a clash over the nature of the cult of the Virgin Mary.

⁸⁴ Canonici Sambiensis Epitome Gestorum Prussie / Hrsg. v. M. Töppen // SRP. Leipzig, 1861. Bd. I. S. 272–290. S. 280–281; Die Chronik Wigands... S. 490.

⁸⁵ Bauten und Bilder / Hrsg. v. O. Grautoff // Die baltischen Provinzen. Berlin, 1916. Bd. III. S. 76.

⁸⁶ Hellmann M. Der Deutsche Orden in Livland // Die Rolle der Ritterorden... S. 105–116.

⁸⁷ Wittram R. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. München, 1954. S. 18.

⁸⁸ Не могут игнорироваться и иные источники вдохновения, например, цистерцианские, весьма значимые в случае духовно-рыцарских орденов. Св. Бернар распространил идею «феодалного оммажа», приносимого Марии, он подчеркнул титул «Госпожи»: Leclercq J., Vandenbroucke F., Bouyer L. La spiritualité du Moyen Age. Paris, 1961. S. 265; Delius W. Geschichte der Marienverehrung. München, 1963. S. 157–158. — Приписываемые патронам городов правовые и политические функции также уместны. Наиболее известно это на материале Италии, но встречается и в Германии: Peyer H. Stadt und Stadtpatron in mittelalterlichen Italien. Zürich, 1955; Becker H. Op. cit. S. 23–45. — Не следует игнорировать города, помня о нахождении в Немецком ордене горожан, по крайней мере, до середины четырнадцатого столетия, и отношениях между орденскими рыцарями и Италией (Венецией).